ЛЕМАНН
АНАСТАСИЯ
ИЗМЕНА
ТЫ МОЯ ОШИБКА
18+

Анастасия Леманн
Измена Ты моя Ошибка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72796808
SelfPub; 2025

Аннотация

– Где ты был?

Я молчал. Я действительно задержался на работе допоздна – того требовал один срочный контракт. Но не только: после совещания мы с Мариной вышли вместе из офиса, и я ещё час провёл с ней, сидя в её машине у пустой парковки. Мы просто разговаривали. Просто держались за руки. Просто целовались в темноте.

– Миш, я тебя спрашиваю: ты где был до полуночи? Я звонила тебе три раза, ты не брал трубку.

Ольга повысила голос, срываясь на шёпот.

Я бросил куртку на спинку стула:

– На работе. Мы запускали новый проект, пришлось задержаться. Телефон был на беззвучном, не услышал.

Соврал я, избегая встречаться с её глазами.

Ольга пристально смотрела. Её тёмные глаза метались по моему лицу, словно ища враньё:

– На работе. И никуда больше не заезжал? Никого не встречал?

У меня невольно дёрнулся угол рта. Она всё поняла. Или угадала. Слишком прямой вопрос, слишком опасный.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 22
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Анастасия Леманн
Измена Ты моя Ошибка

Глава 1

Слова начальника повисли надо мной, как приговор: я уволен.

Мы сидели за угловым столиком ресторана. Официант нервно переставлял бутылки на барной стойке, стараясь не смотреть в нашу сторону.

Начальник откинулся на спинку стула.

– Приказ о вашем увольнении вступает в силу немедленно. По статье.

Он так ни разу и не поднял на меня глаз.

Казалось, что это не про меня. Какой-то посторонний Михаил Русяев лишается сегодня должности оперативника, лишается будущего, а я просто наблюдаю со стороны.

Начальник выдерживал паузу, ожидая моей реакции. Наверное, хотел увидеть мольбы или возмущение. Но я молчал. Сказать было нечего: в отделе уже всё решили за меня. Какое унижение – меня даже не вызвали на ковёр в управление, а назначили встречу на стороне, словно я заразный.

Я провёл ладонью по столу рядом с лежащим документом – приказом об увольнении.

– Подпишите, – начальник толкнул ко мне ручку и лист. Его тон был будничным, даже усталым. Будто мы оформляем какую-то мелочь, а не ломаем чью-то жизнь.

Я взял ручку. Михаил Андреевич Русяев, ознакомлен, согласен, свободен.

– Вот и славно, – выдохнул начальник, забирая документ. Он поднялся, одёрнул пиджак. – С вами, Русяев, приятно было работать. Но обстоятельства… сами понимаете.

Я понимал только одно: меня вышвырнули, как надоевшую вещь. Хотелось вскочить, сказать ему в лицо всё, что думаю. Про «приятно работать», про «обстоятельства». Что я столько лет горбатился за них, лез туда, куда другие боялись, рисковал семьёй, совестью – а в итоге меня выставили крайним.

В памяти всплыл каждый опасный эпизод службы: ночные засады, погоня по крыше склада, лезвие ножа у горла, горячая кровь на моих руках, когда вытаскивал раненого напарника под выстрелами. Всё это теперь будто не имело значения – никто даже не вспомнил. Слова подступили к горлу, тяжёлые, жгучие. Но я молчал.

Начальник, не дождавшись ответа, сунул подмышку папку и протянул мне руку. Я машинально пожал. Он развернулся и пошёл к выходу, не оглянувшись.

– Желаете что-нибудь? – раздался робкий голос официанта.

Он возник рядом бесшумно. Молодой парень лет двадца-

ти натянуто улыбался, хотя глаза выдавали растерянность. Наверное, думал, что я остался без денег заплатить или собираюсь устроить сцену.

– Нет, спасибо. Счёт, пожалуйста.

Официант принёс счёт – и за его остывший чай тоже. Я молча заплатил, не вступая в объяснения.

Возвращаться домой не хотелось. Надо было сказать жене правду.

По дороге я купил бутылку коньяка – дорогого, на последние деньги, будто мог купить себе хоть каплю самоуважения. Сжимая пакет, я брёл на автопилоте. Кажется, кто-то из знакомых помахал мне через улицу – я не ответил, лишь прибавил шаг. Не хотел ни с кем встречаться, ни на кого смотреть.

Через полчаса я стоял перед дверью собственной квартиры и не мог заставить себя повернуть ключ. За дверью звучал телевизор, голоса детей – мультфильм, должно быть. Всё как обычно, будто ничего не случилось. А я так и стоял на пороге, не в силах войти. Как сказать родным, что их отец и муж больше не работает в полиции?

Я медлил до последнего. Но скрип двери привлёк внимание изнутри. Двое маленьких лиц показались в щёлке: сын и дочка, обоим ещё нет десяти. Увидев меня, они тут же бросились обнимать, наперебой заговорили.

– Папа! Папа пришёл!

Я погладил их по головам, пытаясь улыбнуться.

– Как школа?

– Всё хорошо, пап! Смотри, что я нарисовал!

Сын потянул меня за руку, показывая лист с яркими каракулями: дом, солнце, люди. Там был мужчина в форме с широкой улыбкой. Под рисунком неловкими буквами выведено: «Мой папа – герой».

Меня словно ударило. Я не смог сразу ответить, только кивнул и похвалил рисунок.

– Красиво, сынок. Молодец.

В прихожую вышла Ольга, моя жена. Она вытерла руки о полотенце – видимо, готовила ужин – и взглянула удивлённо:

– Ты рано. Что случилось?

Заметив моё лицо, она мигом посерьёзнела.

Дети всё ещё ждали внимания с рисунком, но Ольга жестом отправила их в комнату:

– Идите, поиграйте, потом посмотрим.

Когда они скрылись, мы остались вдвоём в настороженной тишине. Я протянул жене пакет с бутылкой:

– Это нам. Просто так.

Попытался улыбнуться одними губами. Голос звучал чужим.

Ольга посмотрела на коньяк, на меня. В тёмных глазах вспыхнул тревожный огонёк.

– Михаил, что произошло? На тебя жалобы?

Она знала, что спиртное в будни я не покупаю. Да и вообще пил редко, разве что по праздникам.

Я прошёл на кухню, тяжело опускаясь на табурет. Руки

вдруг одеревенели. Я открыл бутылку, нашёл два стакана. Налил на донышко себе и ей.

– Меня… всё, – выдохнул я наконец, встречаясь с её взглядом. – Уволили меня.

Ольга не сразу поняла. Она присела напротив. Её пальцы сжали стакан, но она не пила. Я осушил свой мелким глотком, чувствуя, как огонь разливается по груди.

– Как – уволили? За что?

Я пожал плечами, опуская пустой стакан.

– Приказ. По статье. Формулировка – «нарушение служебной дисциплины».

– Что? Ты же… Это из-за того случая с чиновником? Но тебя же тогда вроде покрыли…

– Некого больше наказать. Решили назначить козла отпущения. Им оказался я.

Слова давались с трудом, хотелось провалиться сквозь землю. Я слышал собственный голос, будто он принадлежал другому человеку.

– Михаил… – Ольга потёрла лоб, пытаясь осмыслить. – И что теперь?

В её голосе вместо поддержки послышались холодные нотки. Она всегда была рациональной. Любая проблема сразу превращалась у неё в задачу: как жить дальше? И если решение не просматривалось, виноват тот, кто проблему создал. Сейчас этим «создателем» была моя потерянная работа.

– Не знаю. Буду искать что-то другое.

– Что другое? Тебя из органов выгнали по статье, куда тебя возьмут? Охранником в супермаркет?

Я поморщился. Даже она видит меня никем.

– Разберусь. Не первую же жизнь начинаю.

– Да как так можно было, Миша! Столько лет, вся жизнь – и вот так просто, из-за глупости…

– Думаешь, я сам рад?! Думаешь, я хотел так?!

Она отпрянула от моего крика, но тут же сжала губы. В глазах нарастало возмущение.

– Хотел-не хотел, а нам на что жить?! У нас двое детей! Кредиты! Ты об этом подумал, когда подписывал что-то не глядя, полез не туда?

– Меня подставили. Ты не знаешь всех деталей.

– Да мне плевать на детали! Факт в том, что ты без работы. Что мы теперь будем делать?

Я молчал, тяжело дыша. Сказать было нечего: она права. Я всё провалил.

Ольга встала и прошлась по кухне, сминала в руках кухонное полотенце:

– Как же так… Что люди скажут? Соседи? Родителям твоим звонить теперь, объяснять… Господи…

Меня кольнуло это её «люди скажут». Будто главное – не то, что со мной, а что подумают вокруг.

– Плевать на людей.

– Нет уж, не плевать! Ты всегда так: сделал глупость, а рас-

хлёбывать нам всем. Дети же видят, чувствуют, что-то случилось…

– Я не нарочно. Мне и самому сейчас… невыносимо.

– Невыносимо, говоришь? Тебе?! А нам с детьми невыносимо, ты подумал? Как я объясню им, что их папа – больше не…

– Не смей, – прошипел я, поднявшись. Стул скрипнул по полу. – Не смей говорить такое при мне.

Она отшатнулась. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, как чужие. Потом я отвернулся. Перед глазами плыл рисунок сына: «Мой папа – герой». Я сжал кулаки в карманах, чтобы не швырнуть что-нибудь.

В гостиной тихо шёл мультфильм, дети, наверно, сидели прижавшись друг к другу – слышали, как мы кричим. Этот позор пронизывал меня насквозь.

– Извини, – тихо сказал я, не поворачиваясь. – Я не хотел кричать.

Ольга молчала. Я услышал лишь её тихий вздох.

– Нам нужно время, – спустя паузу произнесла она сдавленно. – Привыкнуть. Подумать, что дальше.

Я кивнул, всё так же стоя спиной. Ни слова не находилось – только пепел на душе.

– Переночую в гостиной.

Она ничего не ответила и вышла, оставив меня одного на кухне.

Я опустился обратно на табурет. На столе стояли два ста-

кана: её так и остался полным. Я залпом выпил то, что наливал ей. Алкоголь не согрел – только отдалил происходящее ещё дальше, будто я смотрю кино про самого себя.

Поздним вечером я лежал на узком диване в гостиной и смотрел в потолок. Квартира спала. Дети давно тихо дышали в своей комнате. За стеной не слышно было ни шороха – наверняка Ольга тоже уснула после слёз.

Я не спал. Моё место в спальне занял холодный воздух пустоты. Никогда ещё я не чувствовал себя таким чужим в собственном доме. Мне казалось, вчера у меня была семья, а сегодня я стою за дверью, где осталась прежняя жизнь.

Когда-то служба была для меня всем. Помню, как двадцать лет назад стоял на плацу в новой форме и приносил присягу. Торжественные слова об обязанностях офицера тогда звучали для меня свято. Я верил, что буду защищать людей, что ни за что не посрамлю честь мундира. Казалось, впереди большой путь, и моя семья будет гордиться мной. Отец тогда пожал мне руку после церемонии и сказал: «Служи честно, сын». Я и служил – как умел, честно. А итог? Меня просто выбросили.

Глава 2

Спустя несколько недель безработицы я устроился в частную компанию X6.

Высотный офисный центр встретил меня зеркальными стеклянными стенами и строгими турникетами у входа. Я перехватил ремешок потёртой сумки и шагнул внутрь. Перед этим успел докурить сигарету и бросить окурок в уличную урну: сердце стучало чаще обычного, однако назад пути не было.

Первый рабочий день начался с раздражающей суеты. В отделе кадров бегло проверили мои документы и трудовую книжку. Кадровик скользнула взглядом по записи об увольнении по статье, но промолчала. Тут же выдали электронный пропуск – пластиковую карточку с моей фотографией. Никому не было дела до моих званий и заслуг – всё обнулилось одним росчерком пера. Для них я просто новый сотрудник службы безопасности с опытом, пригодным для охраны офисов. Ирония ситуации давила: форму с погонами сменил на серый костюм с пластиковым бейджем.

Меня проводили к стеклянному посту охраны в холле. За пультом с мониторами уже сидел дежурный – крепкий парень, представился моим напарником в смену. Он бегло внёс мои данные в журнал и показал моё рабочее место у стойки ресепшена.

Я стоял у стойки, стараясь не мешать коллегам. В голове навязчиво стучало: «А моё ли это место?» Но отступать было поздно – я обещал семье принести деньги, детям нужны были новые ботинки и тетрадки, да и себя уважать хотелось.

Ближе к полудню, когда поток посетителей схлынул, я услышал впереди шум. От стеклянных дверей лобби донёсся грубый мужской голос. Высокий мужчина лет под пятьдесят, в дорогом тёмном пальто и блестящих кожаных туфлях спорил с администратором на стойке регистрации. По его размашистым жестам и раскрасневшемуся лицу было понятно – назревал серьёзный скандал.

– Да вы понимаете, сколько я потерял из-за вашей конторы?! – кричал он, нависая над девушкой за стойкой. Бейдж на её блузке мелко дрожал. – Ваши люди облажались! Я требую вернуть деньги!

Администратор, худенькая светловолосая девушка, пыталась сохранять вежливость:

– Пожалуйста, успокойтесь. Давайте я позову менеджера, и мы разберём ситуацию. Присядьте пока, я принесу вам воды.

– Какой ещё менеджер?! Я уже месяц жду внятного ответа! Ваши «специалисты» сорвали мне сделку, и никто даже не извинился! Вода ему, видите ли! Мне компенсация нужна, а не вода!

– Я понимаю ваше возмущение, но, пожалуйста, не кричите. Здесь другие посетители, им неприятно…

– А мне плевать на других посетителей! Пусть знают, с какой конторой имеют дело! Может, хоть так вы зашевелитесь!

Он действительно был вне себя. За его спиной в холле начали останавливаться люди – сотрудники, посетители. Девушка вжалась в спинку своего стула, её улыбка окончательно сползла с лица.

Я обменялся взглядами с напарником на другом конце стойки. Тот неопределённо пожал плечами: мол, что поделаешь, не наше дело.

Меня обожгло возмущение – пройти мимо я не мог. Я уже шагнул вперёд. Приближаясь, постарался просчитать ситуацию: если этот тип бросится драться, я сумею оттеснить его от девушки. Спокойно обогнул стойку и встал рядом с разгневанным посетителем.

– Добрый день. Я могу помочь?

Он оторопело повернулся ко мне:

– А ты ещё кто? Очередной клерк, который будет мне мозги пудрить?

– Служба безопасности Х6. Вы жалуетесь на нашу работу? Давайте отойдём и спокойно обсудим. Здесь не лучшее место для серьёзного разговора.

Мужчина хмыкнул, косясь на меня сверху вниз – он был выше меня на полголовы, дороже одет. Но мой ровный спокойный тон застал его врасплох. Оглянувшись вокруг, он заметил любопытные взгляды. Возможно, понял, что устроил сцену.

– Обсудим? Ладно, давай, охранник, обсуждай! Эти девицы всё равно ничего не решают. Может, хоть ты что-то путное скажешь.

Я жестом указал в сторону диванов в углу холла:

– Присядьте. Я внимательно вас выслушаю и постараюсь помочь. Обещаю, что ваша жалоба дойдёт до руководства в том виде, в каком вы её изложите.

Он фыркнул, но направился к дивану. Я последовал за ним. Шум вокруг постепенно стих – публика поняла, что спектакль отменяется.

Девушка-администратор благодарно выдохнула, прижав руку к груди. Когда я возвращался к стойке, она прошептала:

– Спасибо вам большое. Я так испугалась, думала, он меня ударит. Он уже полчаса тут скандалит, я не знала, что делать.

– Всё в порядке. Вы правильно себя вели. Главное – не провоцировать таких людей.

Мой напарник на посту покачал головой со смешком, подняв большой палец. Я почувствовал, как уши слегка загорелись – не привык быть в центре внимания. Одновременно я ощутил странное удовлетворение: я снова сумел предотвратить неприятность, помочь людям – ради таких моментов когда-то и выбирал службу.

Мужчина бросился на мягкое сиденье и вытащил телефон:

– Сейчас же звоню вашему начальству! Узнаем, как ваша безопасность клиентов обеспечивает!

Я сел напротив и ровно сказал:

– Вы имеете полное право жаловаться. Только позвольте уточнить детали, чтобы передать руководству точную информацию. Вы сказали, сделка сорвалась из-за наших действий? Расскажите по порядку. Что именно произошло?

– А вам это зачем? Вы же простой охранник.

– Я новый сотрудник, но у меня есть опыт работы с конфликтными ситуациями. Двадцать лет в органах. Если ваша претензия обоснована, я сделаю всё, чтобы она была рассмотрена в кратчайшие сроки.

– Двадцать лет в органах? И теперь здесь? – он посмотрел на меня с новым интересом. – Ладно, слушай тогда.

Я намеренно говорил медленно и ровно – почти как когда-то успокаивал на допросах распалившихся свидетелей. Метод подействовал: мужчина шумно выдохнул, убрал телефон. Ему нужно было выговориться.

– Ваша фирма предоставляла охрану на переговорах моей компании с партнёрами. И что вышло? Один из ваших, болван в форме, ляпнул что-то про моих клиентов. Те обиделись и сорвали контракт! Миллионы, понимаешь, улетели! А у этого «охранника» даже выговора, наверное, нет! Я требую компенсации!

– Что именно сказал охранник? Вы помните его слова?

– Да что-то про внешность одного из партнёров. Типа пошутил. А тот оказался очень обидчивым, принял на свой счёт. Встал и ушёл прямо с переговоров. За ним и остальные.

– Понимаю. Это действительно серьёзный проступок с нашей стороны.

Он снова начал горячиться:

– Вот именно! Серьёзный! А мне потом сразу звонил вашему менеджеру, а она только «извините, извините» – толку ноль! Месяц прошёл, и ничего!

– Как звали сотрудника, который допустил эту оплошность?

– Да чёрт его знает. Высокий такой, рыжий. Не запомнил фамилию. Но вы найдёте, у вас же записи должны быть, кто где работал.

– Найдём. Я новый человек, но обещаю передать вашу жалобу руководству лично. Сегодня же. Возможно, удастся найти компромисс.

– Компромисс? Мне деньги верните за проваленную встречу – вот компромисс. Хотя бы частично.

– Этот вопрос выше моей должности. Однако я организую встречу с директором департамента. Постараюсь сегодня.

– Сегодня? Не верю. Меня уже месяц футболят.

– Я приложу усилия. Оставьте ваши контакты, вам сообщат время встречи. Лично прослежу.

Мужчина ещё с минуту буравил меня взглядом. Потом рывком встал:

– Ладно. Считай, тебе повезло: времени орать больше нет. Вот моя визитка. Через два дня уезжаю в Москву. Пусть позвонят, пока я тут. Если не позвонят – вернусь и устрою вам

такое, что мало не покажется.

Я поднялся следом:

– Благодарю. Ещё раз извините за ситуацию. Мы свяжемся с вами до конца дня.

Он ничего не ответил, лишь махнул рукой и зашагал к выходу. Дорогие туфли звонко ударяли по полу. Охранник у дверей поспешно открыл ему створку. Клиент вылетел вон, а в холле повисла тишина.

Лишь теперь я заметил влажность в ладонях и незаметно вытер их о брючину. Аккуратно, стараясь не дрожать, поднял визитку со стола. Прочёл имя – ни о чём не говорящее. Но наверху явно кто-то попадёт под раздачу из-за этого случая.

– Вы в порядке? – прозвучал рядом женский голос.

Я обернулся. Невысокая женщина лет тридцати пяти стояла чуть позади, наблюдая за мной внимательными серыми глазами. Чёрный брючный костюм подчёркивал её стройность, тёмные волосы собраны в узел. На строгом пиджаке поблёскивал значок Х6.

– Всё хорошо. Клиент уже ушёл.

– Я видела. Вы молодец. Спокойно уладили конфликт. Я наблюдала из коридора, хотела вмешаться, но вы справились сами.

Лишь сейчас я заметил: вокруг всё ещё царила тишина. Сотрудники издали поглядывали на нас – видимо, это была та самая руководительница, к которой предлагала обратиться администратор.

Незнакомка протянула мне руку:

– Марина Викторовна. Руководитель отдела по работе с клиентами.

Я коротко пожал её тонкую ладонь. Её рукопожатие оказалось неожиданно крепким, взгляд – пристальным и прямым:

– Михаил Русяев. Служба безопасности.

– Очень приятно, Михаил. Знаете, не каждый сумел бы так быстро успокоить Станислава Геннадьевича. Он у нас самый проблемный заказчик. Уже трижды устраивал подобные сцены.

– Просто выслушал его. Иногда людям это нужно. Когда человек чувствует, что его слышат, он успокаивается.

– Это правда. Но не все это понимают. А вы, я вижу, понимаете.

Марина Викторовна взглянула на стойку, где администратор уже приводила себя в порядок:

– А ведь я как раз шла туда вмешаться, думала, придётся вызывать охрану. А вы без лишнего шума решили вопрос. Я впечатлена.

Мне не привыкать к похвале по службе, но сейчас я ощутил лёгкое смущение:

– Спасибо. Стараюсь быть полезным. Первый день всё-таки, надо же себя показать.

Попытался я пошутить.

Марина тихо рассмеялась. Её глаза при этом чуть прищурились, разглядывая меня:

– Вы раньше работали в полиции, верно? Это чувствуется.

Я кивнул:

– Было дело. Двадцать лет.

– Сразу видно. Умеете разговаривать с трудными людьми. Это редкий навык. Что ж, я рада, что вас к нам взяли. Нам такие люди нужны.

Лёгкое тепло от её слов разлилось внутри. Редкое ощущение за последние недели – будто меня вновь увидели не как неудачника, а как человека, способного на дело.

– Спасибо. Это приятно слышать.

Марина перевела взгляд на часы:

– Уже час дня. Михаил, у вас обеденный перерыв, верно? Столовая у нас на втором этаже, могу показать, если хотите.

Я немного замялся – не ожидал от руководства такого внимания:

– Благодарю, я как раз собирался перекусить. Найду сам, не беспокойтесь.

– Тогда до встречи. И зайдите после обеда ко мне в кабинет, занесёте рапорт о происшествии. Третий этаж, кабинет триста двенадцать.

Я слегка опешил, но тут же взял себя в руки:

– Конечно, занесу.

Марина Викторовна ещё раз мягко улыбнулась – впервые за долгое время кто-то улыбался мне не из жалости или насмешки, а по-доброму – и направилась к лифтам.

Я проводил её взглядом.

Когда она скрылась за зеркальными дверцами, шум офисной суеты постепенно вернулся. Коллега на посту хитровато поднял большой палец, кивая мне. Девушка-администратор тоже благодарно посмотрела издали. Только сейчас я заметил, что незаметно улыбаюсь. Напряжение медленно отпускало – будто тяжёлый груз сдвинулся в сторону.

В кармане лежала визитка обиженного клиента, впереди – составление рапорта для новой начальницы. Но почему-то я чувствовал странное спокойствие. Даже уверенность. Будто судьба, недавно вышвырнувшая меня на обочину, вдруг позволила мне вновь обрести равновесие.

Ночью впервые за много дней я уснул почти мгновенно.

Глава 3

Через неделю после моего трудоустройства Марина Викторовна пригласила меня к себе в кабинет. Официально – обсудить текущие вопросы безопасности. Неофициально – я чувствовал это – ей хотелось узнать обо мне больше. Да и мне самому тянуло поблагодарить её за доброжелательность.

Кабинет руководителя отдела по работе с клиентами располагался на третьем этаже, за матовым стеклом с табличкой «М. В. Полянская». Когда я постучал и услышал спокойное «Войдите», я ощутил болезненный укол в груди. До этого мы лишь пару раз перекидывались фразами при встрече в коридоре – и каждый раз я ловил на себе её внимательный взгляд. Порой мне даже казалось, что я стараюсь чаще попасться ей навстречу по коридорам – до смешного, как мальчишка. Теперь же предстояло личное общение с глазу на глаз.

– Присаживайтесь, Михаил. Не хотите чаю? У меня как раз есть зелёный. Хороший, из специализированного магазина.

– Благодарю, не стоит.

Я чувствовал, что горячее питьё мне сейчас не лезет.

Она кивнула и отставила кружку:

– Как у вас идут дела? Освоились на новом месте?

Я опустился на мягкое кресло. Её просторный светлый кабинет был выдержан в строгих тонах – ничего лишнего:

шкаф с папками, на стене фотография детей, на столе аккуратная стопка документов да кружка с недопитым чаем.

Марина сама сидела прямо, сложив тонкие пальцы перед собой. Несмотря на формальную улыбку, казалось, она тоже немного нервничала.

– Спасибо, вроде всё в порядке. Уж лучше, чем в прошлом месте. Коллектив нормальный, работа понятная.

Она кивнула, понимая скрытый смысл. За неделю работы я пару раз ловил косые взгляды. Как-то в курилке двое напарников бурно шептались о «новеньком менте, уволенном по статье», и умолкли, стоило мне войти. Слухи расползались быстро, и, конечно, до Марины Викторовны, наверняка, тоже дошло нелицеприятное.

– Вы не против поговорить откровенно? – спросила она вдруг мягко. – Без официоза, просто как два человека?

Я напрягся, но кивнул:

– Конечно, не против.

Марина помолчала, собираясь с мыслями:

– Меня не интересуют сплетни. Я вообще стараюсь не слушать, что болтают в курилках. Но я вижу: вы хороший сотрудник и, кажется, хороший человек. И мне хотелось бы узнать вашу историю от вас, если захотите рассказать. Не из любопытства, а потому что… не знаю, мне кажется, вам есть что сказать.

Меня словно ударило невидимой волной. Деликатность, с которой она спросила, выбила почву из-под ног. Я молчал,

подбирая слова. Марина терпеливо ждала, внимательно глядя на меня своими серыми глазами – в них не было ни капли осуждения, только тёплая заинтересованность.

– Меня выставили крайним, – хрипло произнёс я наконец. – В полиции. За один случай, где надо было кого-то наказать. А наказывать было некого, кроме меня.

Я говорил с трудом, голос едва слушался.

Она чуть наклонила голову:

– Это про того чиновника и сорванное дело? Я слышала краем уха, но детали не знаю. Простите, если лезу не в своё дело. Можете не отвечать.

– Да нет, всё нормально. Мне даже, наверное, легче рассказать кому-то постороннему.

Неожиданно сильно захотелось выговориться.

– Был один эпизод. Мне велели замять дело, где оказался замешан племянник важной шишки. Не стал. Не сумел изменить себе. Двадцать лет честно служил, а тут мне говорят: закрой глаза, и всё будет хорошо. Не смог.

Пока рассказывал, я невольно сжал кулаки на коленях – от обиды и горечи, которые по-прежнему жили во мне.

– В итоге весь отдел попал под раздачу, а крайним сделали меня одного. Сказали: либо уходишь сам, либо заводим дело. Выбора особо не было.

Марина слушала, не перебивая. Лицо её оставалось спокойным, только пальцы чуть крепче сплелись в замок.

– Не смогли поступиться принципами, – тихо повторила

она. – Знаете, многие на вашем месте сделали бы иначе. Подписали бы, закрыли глаза, сохранили работу. А вы не смогли. Это… это редкость. Вы – настоящий.

Я горько усмехнулся:

– Настоящий дурак, выходит. Остался без работы, под следствием чуть не оказался. Семья до сих пор отойти не может. Жена на меня смотрит, как на предателя. Дети не понимают, почему папа больше не носит форму.

– Семья… – она на миг опустила глаза. – Ваша жена?

– Жена. Двое детей. Жена тяжело всё это переживает. Да и я сам. С тех пор между нами стена. Почти не разговариваем. Она считает, что я всё испортил своим упрямством. Может, она и права.

Марина встала из-за стола и прошлась по кабинету:

– Простите меня за личный вопрос. Я сама в разводе. Тоже двое детей. Тоже было непросто.

Голос её чуть дрогнул, хоть лицо оставалось спокойным.

– Мне жаль, – сказал я.

– Не стоит жалеть. Мы просто выбираем иной путь, когда старый больше не даёт счастья. Иногда нужно иметь смелость признать, что всё закончилось. Вы, кстати, тоже это сделали – когда отказались закрывать глаза. Выбрали свою правду, а не чужую ложь.

Повисла тишина. Я переваривал её слова – невольно примеряя их на себя.

– Зачем вы это мне рассказываете? – спросил я негромко.

Она обернулась. В её глазах блеснула искорка решимости:

– Наверное, потому что чувствую к вам доверие. Вы спасли нашу репутацию в первую же смену. Не побоялись вмешаться, когда другие стояли и смотрели. Да и… не знаю. Просто захотелось поговорить по-человечески. Без масок. В этом офисе все ходят в масках, а мне иногда так хочется просто поговорить с живым человеком.

Тёплая волна прокатилась внутри. По-человечески – как же давно со мной никто не говорил просто так, без укоров, без подвоха.

Марина вернулась за стол, но села не сразу. Она провела ладонью по краю высокого кожаного кресла, будто собираясь с мыслями. Затем тихо сказала:

– Вижу, вам нелегко. И дома, и здесь с этим клеймом. Слухи, взгляды, шёпот за спиной. Но вы держитесь молодцом. Не сдаётесь.

Я опустил голову, чтобы скрыть нахлынувшие чувства. Её искренность сбивала с толку. Хотелось то ли благодарить, то ли просто приблизиться.

– Спасибо, Марина Викторовна. Мне действительно трудновато. Но стараюсь. Ради детей, ради себя. Надо же как-то жить дальше.

Она обошла стол и присела на край, совсем близко от меня. Теперь нас разделяли считанные сантиметры. Я почувствовал тонкий аромат её духов. Я на миг перестал дышать. Заставил себя сидеть неподвижно.

– Вы можете на меня рассчитывать, – почти шёпотом произнесла она. – Если понадобится помощь или просто поговорить. Обещаете, что придёте? Не будете держать всё в себе?

Я поднял глаза и утонул в её взгляде. Серые, с тёмными крапинками радужки, они смотрели так участливо, так близко. Секунды растянулись. Мне казалось, ещё чуть-чуть – и я переступлю черту, о которой потом буду жалеть. Но я уже не мог остановиться.

– Обещаю.

Мои слова повисли в воздухе. Мы молчали, но это молчание будто притягивало нас друг к другу. Марина сидела напротив, дышала часто и неглубоко – я слышал лёгкий трепет её вдохов. Её рука лежала на столе в паре сантиметров от моей. Сам не понимая, что делаю, я накрыл её ладонь своей.

Она не отдёрнулась. Лишь прикрыла глаза. Внутри у меня всё горело – и страх, и желание смешались воедино.

– Михаил… – выдохнула она едва слышно.

Я встал. И она встала, не отнимая руки. Мы были так близко: стоило мне слегка наклониться – и я почувствовал её горячее дыхание. Мир сузился до этого небольшого кабинета. До её глаз, лихорадочно ищущих мои.

Я должен был остановиться. Вспомнить про жену, про мораль, про всё что угодно. Но ничего уже не вспоминалось.

Я поцеловал её.

Губы Марины оказались мягкими и чуть солоноватыми – то ли от слёз, то ли от бесчисленных несказанных слов. Она

тихо вскрикнула от неожиданности, но тут же ответила, прижавшись ко мне ближе. Мой разум кричал о предательстве, а бешеная радость заглушила голос разума.

Её руки мелко дрожали, цепляясь за лацканы моего пиджака. Я провёл рукой по её спине, и её тело откликнулось лёгкой дрожью. В какой-то миг мы оторвались друг от друга, глядя в упор. Щёки Марины раскраснелись, губы чуть припухли от поцелуя. Наверное, я выглядел не лучше – взъерошенный, потерянный и безмерно счастливый.

– Простите, – прошептал я, не зная, кому адресую эти слова.

Краем глаза я заметил блеск своего обручального кольца на пальце – в сознание на миг ворвался образ жены. Что же я творю?

Она покачала головой и вдруг сама потянулась ко мне, вновь находя мои губы. Я ожидал, что она отстранится и прогонит меня. Но Марина даже не думала отстраняться. В её взгляде не было ни гнева, ни страха – только пылающее чувство, отражающее моё собственное.

На этот раз поцелуй вышел долгим, глубоким – я крепко прижал её к себе, ощущая тепло её тела. В этом поцелуе смешались и горечь прожитых нами лет, и сладость внезапной близости.

Я больше не думал ни о чём. Ни о времени, ни о том, что творю. В этот момент существовали только она и я.

И вдруг в тишине резкой трелью прорезался звонок внут-

реннего телефона на её столе.

Мы отпрянули друг от друга, словно застигнутые на краю пропасти. Марина дрожащей рукой нажала кнопку громкой связи:

– Да… да, сейчас спущусь.

С хрипотцой произнесла она в аппарат, стараясь придать голосу деловитость.

Аппарат смолк. Несколько секунд мы просто стояли, переводя дыхание. Я слышал, как бешено стучит моё сердце – или это было эхо её сердцебиения, не уверен.

Марина опустила глаза, поправляя взлохмаченные пряди:

– Мне нужно идти. Совещание. Я совсем забыла.

Я кивнул, чувствуя, как на меня накатывает осознание случившегося. Хотел что-то сказать – важное, успокаивающее, но не нашёл слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.